***А.Н. Гладкова.* Русская культурная семантика: Эмоции, ценности, жизненные установки.** М.: Языки славянских культур, 2010. 304 с.

Книга Анны Гладковой написана в рамках метода естественного семантического метаязыка (ЕСМ), основоположником которого является Анна Вежбицка, и ставит перед собой две основные цели: 1) доказать целесообразность использования русской версии ЕСМ и мотивировать предлагаемые автором русские соответствия универсальным семантическим примитивам; 2) иллюстрировать возможности и преимущества метода ЕСМ в анализе культурной семантики на примере некоторых русских слов и выражений, обозначающих важные для русской языковой картины мира ключевые идеи. Книга состоит из девяти глав: первые две главы содержат вводную информацию, третья посвящена переводу на русский язык универсальных семантических примитивов, а также обоснованию выбора тех или иных русских слов в качестве таких универсалий, в главах с четвертой по восьмую представлен анализ некоторых русских слов и выражений и сравнение их с коррелятами в английском языке, девятая глава представляет собой теоретическое заключение.

В первых главах автор подробно обсуждает ЕСМ в контексте других семантических теорий, в частности концептуальной семантики, когнитивной семантики и некоторых других. Особое внимание уделяется Московской семантической школе (МСШ) как одной из наиболее близких ЕСМ семантических теорий. Автор демонстрирует сходства и различия между ЕСМ и МСШ в их понимании семантических примитивов, а также в их подходе к семантическому метаязыку толкований. Одним из основных преимуществ ЕСМ перед МСШ автор считает свободную возможность перевода толкований, написанных на метаязыке универсальных семантических примитивов, на другие языки. В качестве примера непереводимости толкований, созданных в рамках МСШ, автор приводит толкование русского слова *жалость*, принадлежащее И.Б. Левонтиной и включающее в себя идиоматическое выражение ‘душевная боль’.

Однако возникает вопрос: действительно ли это выражение так непереводимо и непонятно, как это представляется автором? Или перевод возможен, но не должен быть буквальным? Ведь если непереводимость действительно являлась таким непреодолимым камнем преткновения, то не существовало бы и хорошего художественного перевода с одного языка на другой, переводчик был бы связан по рукам и ногам отсутствием точных переводных эквивалентов. Однако искусство перевода в том и состоит, чтобы подбирать эквивалент не напрямую, буквально, а как бы немного в стороне от точного словарного соответствия, ища элемент со сравнимыми коннотациями и ассоциациями, который будет передавать замысел оригинала и производить похожий эффект. Безусловно, перевод не является точным аналогом оригинала, однако во многих случаях он может давать вполне адекватное представление о нем.

Возвращаясь к примеру *pain of the soul* или *soul pain*, можно сказать, что, во-первых, у выражения *душевная боль* есть вполне приемлемые, достаточно близкие и при этом очень частотные английские аналоги: *heartache* и *emotional pain*. Таким образом, толкование вполне переводимо, если не принимать в качестве установки необходимость буквального перевода. Во-вторых, даже и выражение *pain of the soul* или *soul pain* не является непонятным и встречается в реальных англоязычных текстах. Возможно, оно не в такой степени освоено английским языком, как русским, и не имеет статуса совершенно стертой языковой метафоры, однако различие русского и английского языков в этом отношении все-таки представляется сильно преувеличенным. Метафорические выражения *soul pain*, *soul in pain* встречаются в реальных текстах достаточно часто, и опрос англоязычных информантов показывает, что они не затрудняются в их понимании. Что же касается самого наличия метафоры в толковании, то оно, как представляется, позволяет передать важный смысл, который ускользает при опоре только на семантические примитивы – а именно, болезненный характер неприятного чувства. Более того, если *душевная боль* и не является семантической универсалией, это во всяком случае очень широко распространенная языковая метафора для чувств типа сострадания, которая понятна при переводе на самые разные языки при условии подбора реального, а не буквального, переводного аналога. При этом, даже если метафора и не является универсально распространенной, это тоже не гарантирует ее непонимания! Мы ведь способны понимать авторскую метафору, метафору, которой НЕТ в нашем языке, которая создана со специальной установкой на необычность, на расширение границ наших представлений и чувств. Почему не отнестись подобным образом и к лингвоспецифичной языковой метафоре? Подобно тому, как авторская метафора позволяет нам лучше понять то, что хотел сказать автор, языковая метафора может быть не препятствием, а способом лучше понять «характер» другого языка.

Кроме того, представляется, что в принципе сопоставление толкований, написанных в рамках подхода МСШ и ЕСМ, с целью определения того, какой подход является лучшим, не вполне корректно, так как каждый из подходов имеет свои преимущества для определенного типа задач. Так, в толкованиях МСШ не ставится цели достичь универсальной переводимости на все языки. Однако подход МСШ, в котором метаязык толкований состоит не только из примитивов, но также и из семантически более сложных элементов (при этом необходимо, чтобы используемые в толковании смыслы были семантически проще, чем толкуемое слово), которые гораздо легче воспринимаются и не требуют длинных комментариев, делает его практически более приемлемым, в частности, для целей лексикографии. Кроме того, толкования МСШ в большей степени отражают представления об организации семантической системы языка в целом, о семантических, в первую очередь гипонимических и гиперонимических связях между словами, о семантической иерархии и о лексикографических типах слов.

В третьей главе рецензируемой книги вводятся и обосновываются русские эквиваленты, или «экспоненты» универсальных семантических примитивов. Здесь высказывается ряд тонких соображений о том, почему то или иное русское слово является лучшим экспонентом для того или иного семантического примитива, отчасти в рамках полемики с другими переводами работ Анны Вежбицкой о семантических примитивах. Особенно интересны в этом контексте рассуждения о различиях между семантическим примитивом *хотеть* и его синонимом *желать*, а также между неопределенными местоимениями типа *некто*, *нечто*, с одной стороны, и семантическими примитивами *кто-то*, *что-то*, с другой, которые автор иллюстрирует толкованиями, выполненными на языке ЕСМ.

Однако вызывает возражения толкование местоимения *Вы* через семантический примитив *ты* как соединение смысла ‘ты’ со смыслом ‘(b) я знаю, что когда я говорю что-то тебе, (c) я не могу не сказать что-то такое в то же время: (d) «я думаю что-то хорошее о тебе»’. Русское местоимение *Вы* маркирует не хорошее, а уважительное отношение, различие в статусах между говорящим и адресатом. Опора на семантический примитив в данном случае, вместо того, чтобы передавать смысл более точно, «смазывает» его, и представляется, что проблема семантической точности возникает не только в случае местоимения *Вы*. Семантика слова имеет много уровней; иногда семантические примитивы обнаруживаются «близко к поверхности», тогда толкования, составленные при помощи примитивов, адекватны (например, так устроены многие слова со значением эмоций). Однако некоторые понятия возникают на более высоком семантическом уровне, они изначально складываются не из примитивов, а из гораздо более сложных смыслов, и описывать их при помощи примитивов нецелесообразно, во всяком случае, в практической лексикографии. В таких случаях рационально опираться на уже описанные понятия и использовать их в качестве новых «строительных блоков».

Кроме того, обилие аллолексов (лексических вариантов) у некоторых слов, которые провозглашаются семантическими примитивами, вызывает вопросы относительно их подлинно универсального, а не культурно-специфичного статуса: так, экспоненты примитива *happen* – это *происходить* и *случаться*, экспоненты примитива *in one moment* – *в один момент*, *моментально* и *мгновенно*. Представляется, что наличие нескольких переводных вариантов для одного примитива может свидетельствовать о семантически не-примитивном и не-универсальном статусе хотя бы некоторых из них, что отчасти признает и сам автор.

В четвертой главе книги А. Гладковой рассматривается глагол ментального состояния *считать* и прослеживается история его изучения в лингвистической литературе. *Считать* (в отличие от семантического примитива *думать*) описывается как культурно-специфичный глагол, так же как и слово *мнение*, в силу чего критикуется их употребление в качестве инструментов семантического анализа в МСШ.

В пятой главе сравниваются русские и англосаксонские представления о терпимости: детально анализируются слова *терпеть*, *терпимый*, *толерантный*, *to tolerate* и *tolerant*, предлагаются их сравнительные толкования, формулируются культурные идеи и нормы, важные для этих семантических полей в русском и английском языках. Для русского языка в качестве такой идеи постулируется особое, положительно оцениваемое, отношение к боли и дискомфорту, когда человек сознательно не реагирует на них, а для английского языка – положительно оцениваемое ненавязывание другим людям своей точки зрения. Русское качество *терпимый* рассматривается скорее как характеристика отношений в личной сфере субъекта, в то время как англосаксонское *tolerant* – как более социально ориентированное качество. Вызывают сомнения некоторые утверждения относительно прагматики слова *терпимый*, основанные скорее на единичных примерах, нежели на статистическом исследо-

вании: так, трудно согласиться с тем, что это качество ассоциируется скорее с женщинами, чем с мужчинами, или же с тем, что, согласно «русской наивной аксиологии», оно «является необходимым качеством в межличностных отношениях». Второе утверждение носит скорее энциклопедический, а не языковой характер, что же касается первого, то его статус не совсем понятен.

В шестой главе рассматривается семантика сопереживания и предлагается сравнительный семантический анализ русских и английских слов этой сферы — *сочувствие*, *сострадание*, *сопереживание*, *sympathy*, *compassion*, *empathy*. При том, что эта сфера весьма детально разработана в уже имеющейся лингвистической литературе, автор делает новые и интересные наблюдения, особенно в том, что касается слова *empathy*, а также сравнительного анализа русских и английских переводных эквивалентов. Кроме того, представляется правильным также введение компонента ‘я хочу сделать что-то хорошее для этого человека’ в толкование слова *сочувствие.* Однако в предлагаемом толковании этого слова никак не отражен тот факт, что *сочувствие* очень часто выражается в вербальной форме, а не в поступке — в отличие от *участия*. Наконец, автор удаляет из толкования слова *сочувствие* компонент, указывающий на то, что субъект в какой-то мере разделяет чувства объекта (этот компонент выделялся во всех предыдущих описаниях этого слова). Это представляется ошибочным, тем более, что в тех случаях, когда *сочувствие* выражается в поступках, эти поступки иногда бывают направлены не собственно на помощь объекту эмоции, а именно на выражение сопереживания ему; ср. примеры из Интернета типа *В Индии из сочувствия к талибам взорвали завод Coca-Cola*; *Из сочувствия к узникам, вместо того, чтобы сбивать с них цепи – надевать такие же и на себя?*; *Удачливых предпринимателей из сочувствия к их конкурентам бойкотируют собственные клиенты*; *Из сочувствия к повалившимся даже сноубордисты из очереди приземляются на снег*.

Седьмая глава посвящена словам *молодец* и *умница* как способам выражения похвалы в русском языке, а также сравнению моделей похвалы детям в русской, англосаксонской и китайской культурных сферах. Во многом трактовка слов *молодец* и *умница* опирается на описание И.Б. Левонтиной из «Нового объяснительного словаря синонимов» под рук. академика Ю.Д. Апресяна, однако некоторые компоненты толкования вводятся впервые. В соответствии с семантикой слов *молодец* и *умница* автор выделяет две стратегии похвалы в русской культурной модели: похвала за что-то неожиданное и выходящее за пределы нормы (*молодец*) и похвала за соответствие социальным нормам (*умница*). Кроме того, рассматриваются английские выражения *good boy* и *good girl*, а также китайское *guāi*, которые также задают определенные, отличные от русской, модели поведения родителей с детьми.

В восьмой главе анализируется семантика притворства в русском и английском языках и сравниваются слова *притворяться*, *делать вид* и *to pretend.* Трактовка русских слов со значением притворства в некоторых ключевых аспектах опирается на описание Ю.Д. Апресяна в «Новом объяснительном словаре синонимов», однако во многом отличается от него. Автор вписывает русские представления о притворстве в общую картину русского языка и усматривает у слова *притворяться* негативную оценку, которая отражает общее культурно-специфичное негативное отношение к искажению действительности, связывая представления о *притворстве* с представлениями об искажении *правды*. Кроме того, автор включает притворство также и в русскую культурную парадигму положительного отношения к жалости, выделяя случаи притворства с целью вызвать сочувствие в качестве центральных для глагола *притворяться*. Основное различие в концептуализации «обманного поведения» в русском и английском языках автор видит в том, что в русском притворство связывается с представлениями о правде (что отражено в использовании семантического компонента ‘неправда’ в толковании глагола *притворяться*), а в английском – с представлениями о фактах и знании (что отражено в использовании семантического компонента ‘не так’ в толковании глагола *to pretend*). Это, с точки зрения автора, и обусловливает более негативное отношение к притворству в русской языковой картине, нежели в английской, где в притворстве часто усматривается игровое начало, а не неискренность. При том, что со многими наблюдениями и выводами автора хочется согласиться, трудно принять тезис об общей негативной оценке, характерной для *притворяться* в противоположность английскому *to pretend.* Как показано в описании Ю.Д. Апресяна, негативная оценка всегда свойственна глаголу *прикидываться*; что касается доминанты синонимического ряда *притворяться*, то она имеет и вполне нейтральные употребления (так, часто притворяются мертвыми животные с целью спастись от преследования).

В девятой главе кратко суммируется содержание книги, очерчиваются основные резуль-

таты и возможные области их будущего применения.

Несмотря на то что отдельные утверждения и выводы можно оспаривать, в целом книга написана на высоком теоретическом уровне, содержит большое количество интересных и новых лингвистических и культурологических наблюдений, а также содержательную полемику с предыдущими исследованиями. Она безусловно представляет собой существенный вклад в теоретическую семантику и этнолингвистику, продолжая знакомство русского читателя с теорией ЕСМ и предлагая его вниманию последовательно выполненное на языке ЕСМ описание многих важных ключевых слов русского языка. Книга представляет интерес для самого широкого круга читателей, от специалистов по русскому и английскому языкам и межкультурной коммуникации до лингвистов, работающих в сферах теоретической семантики и лексикографии.

В.Ю. Апресян

Сведения об авторе:

Валентина Юрьевна Апресян
ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова
valentina.apresjan@gmail.com

***R. Benacchio.* Вид и категория вежливости в славянском императиве: Сравнительный анализ.** München: Otto Sagner, 2010. 210 с. (Slavistische Beiträge 472)

Книга известного итальянского слависта, профессора университета г. Падуи Розанны Бенаккьо посвящена давней проблеме русской аспектологии: какой вид следует употреблять в императиве – совершенный или несовершенный. Говоря о вопросах вида, большинство авторов не могли обойти проблему выбора вида в императиве, но не могли и ее решить. В самом деле, уже такой пары примеров, как *Садитесь, пожалуйста* и *Встаньте, пожалуйста*, достаточно, чтобы поставить исследователя в тупик. Часто выбор вида связывался со степенью вежливости побуждения, но это не решало проблему: на с. 14–15 и с. 66–68 книги Р. Бенаккьо приводятся характерные примеры прямо противоположных высказываний различных авторов: одни утверждают, что более вежливы императивы в НСВ, другие – что в СВ. Та же проблема существует для некоторых других славянских языков, но не для всех – см. об этом ниже.

Важным этапом в решении этой загадки стала работа Е.В. Падучевой [Падучева 1992] (перепечатанная в сборнике [Падучева 1996]), в которой были выделены компоненты значения НСВ в императиве, в частности – компонент обусловленности действия контекстом или ситуацией: *Садитесь!* говорят в ситуации, когда это сказать естественно (например, гостю); напротив, *Встаньте (пожалуйста)!* – в ситуации, когда сидящий человек вставать не собирался (о чем упоминали и раньше, ср. [Рассудова 1982: 131—132]). Обусловленность действия ситуацией – не то же самое, что вежливость или невежливость, однако первым можно попытаться объяснить второе: употребление НСВ там, где ожидается СВ, делает высказывание невежливым, поскольку представляет ситуацию так, будто адресат обязан выполнить действие (например, *Садитесь!* человеку, который стоит в автобусе около свободного сиденья). Обратная замена – НСВ на СВ – приводит, как кажется, не к невежливости, а скорее к неграмматичности, во всяком случае к «странности», высказывания (?*Сядьте* в ситуации, когда человеку уступают место).

Признавая важность компонента обусловленности действия контекстом, а также других признаков НСВ, выделенных Е.В. Падучевой («внимание на начальной фазе действия» и «побуждение приступить к действию немедленно»), Р. Бенаккьо делает акцент на классе высказываний (как нам кажется, относительно небольшом, что, разумеется, не означает, что он неважен), где все же возможны оба вида, ср. такие примеры, как *Дайте* / *Давайте мне чемодан, он тяжелый* или *Сегодня на улице холодно, оденьтесь* / *одевайтесь теплее* и др.

Изложение построено по следующей схеме. Книга разделена на три части: в первой обсуждается русский императив, во второй – императив в других славянских языках, в третьей – императив в новогреческом языке, привлеченном для сравнения со славянскими. В каждой части вначале рассматриваются «первичные видовые значения» в императиве, а именно «фокус на конечном моменте действия» для СВ и многократность, «фокус на срединной фазе действия» и «фокус на начальном моменте действия» для НСВ; а потом – «вторичные видовые значения», связанные в основном с выражением вежливости. Для всех языков используется один и тот же набор из примерно пятидесяти примеров, которые оценивались информантами на предмет грамматической и прагматической приемлемости и относительной вежливости. Все эти примеры представляют собой конструкции с вежливым *вы* (и ее аналог в польском языке –